Проф. И. И. Замотинъ.

Ф е 240

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАВѢТЫ ГОГОЛЯ

ВЪ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

70-90-ХЪ ГОДОВЪ.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское-Предмѣстье, № 3.

1909.

9134/20
891.7
3-26
Де270

Проф. И. И. Замотинъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАВѢТЫ ГОГОЛЯ

ВЪ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

70-90-ХЪ ГОДОВЪ.

Издательство

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское-Предмѣстье, № 3.

1909.

MICROFILMED BY THE UNC
LIBRARY PHOTOGRAPHIC SERVICE

1939. 2
Проверено 1947 г.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ проф. *Е. Ѳ. Карскій.*

Общественные завѣты Гоголя въ русской художественной литературѣ 70-90-хъ годовъ [1]).

Проф. И. И. Замотина.

Каждый великій писатель есть вмѣстѣ съ тѣмъ и виновникъ величественнаго духовнаго завѣщанія громадной общественной важности. И поэтому каждый юбилейный день великаго писателя есть въ то же время одинъ изъ тѣхъ сроковъ, въ которые еще и еще разъ вскрывается его духовное завѣщаніе и дѣлается справка, въ какой степени исполнена священная воля завѣщателя, всю жизнь служившаго своимъ талантомъ общественнымъ цѣлямъ. Сегодня одинъ изъ тѣхъ торжественныхъ дней, когда мы, наслѣдники Гоголя, должны вскрыть его духовную. Мы должны это сдѣлать, чтобы произвести фактическую провѣрку въ двухъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ: 1) сохраняютъ-ли еще свою цѣнность гоголевскіе завѣты для русскаго общественнаго сознанія и 2) хранятся-ли они только какъ недвижимая цѣнность или представляютъ собою капиталъ, который непрерывно растетъ. Только при такой провѣркѣ настоящій юбилейный день будетъ для насъ не однимъ только платоническимъ вниманіемъ

---

[1]) Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права совмѣстно съ Совѣтомъ Императорскаго Варшавскаго Университета, посвященномъ памяти Н. В. Гоголя (20 марта 1909 года).

къ писателю, но и выраженіемъ органической съ нимъ связи и фактической вѣрности его великимъ общественнымъ завѣтамъ. Такую провѣрку жизненной стойкости гоголевскаго завѣщанія и воздѣйствія его на русскую общественность на всемъ протяженіи XIX вѣка вплоть до нашихъ дней слѣдуетъ, конечно, производить не только на ближайшихъ преемникахъ Гоголя, т. е. не только на писателяхъ 40—50—60-хъ годовъ, но и на художественной литературѣ послѣреформеннаго періода, наиболѣе къ намъ близкой и связанной съ нами живыми связями. Вотъ почему при изученіи творчества Гоголя возникаетъ и этотъ, еще, повидимому, мало обслѣдованный вопросъ, какое развитіе получили гоголевскіе завѣты въ литературѣ 70-хъ, 80-хъ и т. д. годовъ вплоть до конца XIX стол. По этому вопросу сегодня умѣстно высказать хотя бы общія соображенія, т. е. 1) вскрыть гоголевское завѣщаніе и 2) посмотрѣть, продолжаетъ ли реагировать на него новѣйшая наша литература послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка.

Итакъ передъ нами первый пунктъ завѣщанія Гоголя. Это признаніе болѣзней нашей такъ называемой интеллигенціи. По этому пункту Гоголемъ высказано было все главное. Поставивъ свой діагнозъ остроумно и глубоко, онъ установилъ по крайней мѣрѣ три вида духовнаго недомоганія дворянско-помѣщичьей и чиновничьей интеллигенціи. Одинъ видъ —это байбачество, вялое прозябаніе подъ прикрытіемъ нѣжной чувствительности и безплоднаго мечтанія. Маниловъ, мечтающій въ своемъ храмѣ уединеннаго размышленія среди тощаго англійскаго парка, который выдѣляется культурнымъ пятномъ на фонѣ разоренныхъ, сѣрыхъ деревень его крѣпостного достоянія, и Тентетниковъ, скучный коптитель неба, безплодно изгрызающій перо надъ первыми строками своего вѣчно зачаточнаго сочиненія о Россіи въ гражданскомъ, политическомъ, религіозномъ и философическомъ отношеніяхъ—это уже прототипы семьи Обломовыхъ. Второй видъ интеллигентнаго недомоганія—безсмысленное виверство

ROCINCU SAVINE

и прожиганіе жизни своей и чужой, воплощенное съ одной стороны въ широкой и безпокойной натурѣ историческаго человѣка Ноздрева, съ другой—въ благодушной фигурѣ Петра Петровича Пѣтуха, проѣдающаго свое имущество на разныхъ кулебякахъ и гарнирахъ. Третій видъ—интеллигентное хищничество, проявляющееся то въ формѣ деликатной пріобрѣтательности Павла Ивановича Чичикова, то въ формѣ грубаго кулачества Собакевича или эпическаго вымогательства городничаго Сквозника-Дмухановскаго и его компаніи.

Этотъ первый пунктъ гоголевскаго завѣщанія былъ подхваченъ почти непосредственно: въ годъ смерти Гоголя, т. е. въ 1852 году, вышли въ полномъ составѣ „Записки Охотника", немного раньше появляется „Обыкновенная исторія", затѣмъ съ середины 50-хъ годовъ—цѣлый рядъ произведеній Тургенева, Гончарова и гр. Л. Толстого, характеризующихъ въ различныхъ варіаціяхъ духовныя болѣзни дворянско-помѣщичьей интеллигенціи, уже намѣченныя въ свое время Гоголемъ. Казалось, что эти болѣзни уже достаточно изучены, обставлены цѣлымъ рядомъ врачующихъ средствъ и что 60-ые годы это такой могучій и бодрый кризисъ, послѣ котораго наступитъ только выздоровленіе.

Проходятъ однако шестидесятые годы, проходятъ бурно и дѣятельно. Въ потокѣ разнообразныхъ общественныхъ и литературныхъ теченій уносится много прежнихъ идеаловъ, въ горнилѣ ихъ очищаются прежнія страсти, погашаются прежніе недочеты и долги.... Но гоголевское завѣщаніе остается въ силѣ. И вотъ въ исходѣ 70-хъ годовъ мы опять встрѣчаемся съ гоголевскими паціентами. Они какъ будто не тѣ, что были прежде, потому что болѣзни ихъ вступили въ новый фазисъ развитія. Но все равно: врачующая литература, вѣрная завѣтамъ Гоголя, стоитъ на стражѣ общественнаго здоровья и выводитъ на всенародныя очи недомогающую интеллигенцію по тѣмъ же тремъ категоріямъ, что и у Гоголя.

Передъ нами являются такимъ образомъ прежде всего хищ-

ные ташкентцы Салтыкова (Щедрина) („Господа Ташкентцы"), тонкое соединеніе кулачества Собакевича и пріобрѣтательности Чичикова. Въ лицѣ ташкентцевъ характеризуется хищничество въ болѣе широкомъ его смыслѣ. Ташкентецъ это съ одной стороны тотъ, кто, подобно Собакевичу, готовъ во всей вселенной видѣть „не что иное, какъ выморочное мѣсто", который готовъ „швырять своимъ ближнимъ какъ неодушевленною вещью", который хищнимъ образомъ „разрабатываетъ" въ свою пользу не только чужую „частную собственность", но и „собственность казенную", который кромѣ того требуетъ, какъ и Собакевичъ, ѣды не только „некупленной", но и „непрерывно возобновляющейся"; съ другой стороны ташкентецъ это тотъ, кто подобно деликатному пріобрѣтателю П. И. Чичикову, съ цѣлью умножить и изощрить свой личный комфортъ, устремляется на всевозможныя, въ особенности казенныя, предпріятія и концессіи, начиная отъ постройки трехъ колоссальныхъ желѣзнодорожныхъ мостовъ въ цѣляхъ эксплуатаціи бѣлозерскаго снѣтка и болотной морошки и кончая грандіознымъ проектомъ коллежскаго совѣтника Порфирія Велентьева о „безпошлинной двадцатилѣтней эксплуатаціи всѣхъ принадлежащихъ казнѣ лѣсовъ для непремѣннаго оныхъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, истребленія". Къ гоголевской характеристикѣ хищничества Салтыковъ прибавляетъ анализъ и того общества, которое своимъ строемъ способствуетъ—хотя бы и пассивно—процвѣтанію Собакевичей и Чичиковыхъ, потому что представляетъ собою „классическую страну барановъ, которые къ стрижкѣ ласковы и послѣ оголѣнія вновь обрастаютъ съ изумительной быстротой"; кромѣ того онъ углубляется и въ психику Собакевича и Чичикова, когда напр. въ сказкѣ „Бѣдный волкъ" рисуетъ трагическое положеніе лѣсного хищника, который не можетъ взять въ ротъ ничего кромѣ мясного, а между тѣмъ долженъ „самъ пить-ѣсть, волчиху свою накормить, волчатъ воспитать"...

Такимъ образомъ Салтыковъ выслѣдилъ Собакевича и Чичикова не только въ глухихъ углахъ или, какъ выражается

Гоголь, „въ нѣкоторыхъ провинціяхъ", но и въ столичныхъ сферахъ. По его сигналу литература 80-хъ и 90-хъ годовъ открыла по горячимъ слѣдамъ самое энергичное преслѣдованіе хищничества во всѣхъ его разнообразныхъ и тонкихъ проявленіяхъ. Перелистаемъ разсказы Гаршина—и мы встрѣтимъ тамъ хищнаго инженера („Встрѣча"), который строитъ на бумагѣ несуществующій молъ, каждый годъ разрушаемый бурей, и за счетъ починки этого мертваго сооруженія получаетъ, подобно тому какъ Чичиковъ за мертвыя души, десятки тысячъ рублей доходу; тутъ же мы встрѣтимъ художника („Художники", Дѣдовъ), который изъ искусства и таланта дѣлаетъ, на подобіе гоголевскаго художника („Портретъ"), предметъ эгоистическаго стяжанія и мелкаго личнаго честолюбія. Перелистаемъ романы Боборыкина—мы найдемъ тамъ чичиковщину еще въ болѣе утонченномъ видѣ: тутъ есть Рынинъ (романъ „Изъ новыхъ"), карьеристъ и „roublard", который умѣетъ приспособиться къ настроенію правящихъ сферъ, толкуетъ о своемъ „русскомъ направленіи", но въ то же время вѣритъ только въ силу и въ ленту „по камзолу"; тутъ есть Гаяринъ (пов. „Поумнѣлъ"), мелкій честолюбецъ, тоскующій по „расшитомъ мундирѣ", или—еще болѣе яркій чичиковецъ—Палтусовъ (ром. „Китай - городъ"), пріобрѣтатель съ благородными традиціями, который можетъ „и фортуну заполучить и невинность соблюсти". Сдѣлаемъ еще шагъ ближе къ современности—и мы увидимъ самыя тонкія разновидности чичиковщины въ миніатюрахъ Чехова, написанныхъ съ глубокимъ пониманіемъ гоголевскаго завѣта: городской архитекторъ, городовой врачъ и ветеринаръ, инженеръ-строитель вокзала, желѣзнодорожные агенты —всѣ осуществляютъ самыми утонченными способами пріобрѣтательность Чичикова на счетъ обывателя или просителя; иногда впрочемъ ихъ хищничество отзывается грубостью Собакевича и гоголевскаго городничаго. Анализъ этого вида интеллигентнаго недомоганія, выдвинутаго Гоголемъ, доведенъ въ новѣйшей литературѣ до мельчайшихъ подробностей, и

этотъ завѣтъ Гоголя сохраняетъ въ литературномъ и общественномъ сознаніи полную свѣжесть.

То же самое можно сказать о виверствѣ и прожиганіи жизни, воплощенномъ въ Ноздревѣ, въ помѣщикѣ Пѣтухѣ и отчасти въ Хлобуевѣ. Въ 70-хъ годахъ эта интеллигентная болѣзнь, увѣковѣченная въ творчествѣ Гоголя, подверглась по его почину дальнѣйшему анализу. Салтыковъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ особенно смѣлое открытіе: онъ громко заявилъ, что для значительной массы помѣщичьей и чиновничьей интеллигенціи 70-хъ годовъ всѣ умственные и общественные интересы сводятся къ тому желанному концу, который характеризуется словомъ жуировать; говоритъ ли жуирующій интеллигентный человѣкъ о пользѣ классическаго образованія или о податной реформѣ, хлопочетъ ли о какихъ-либо системахъ или нововведеніяхъ,—у него на умѣ всегда: buvons, chantons, dansons et aimons; „даже археологъ, защищая рефератъ о „Ярославлѣ-сребрѣ" думаетъ: „вотъ ужо́ выпьемъ изъ той самой урны, въ которой хранился прахъ Овидія" („Дневникъ провинціала въ Петербургѣ"). Нѣсколько позже, въ 80-хъ годахъ, дворянство предъидущаго десятилѣтія, жуирующее на счетъ выкупныхъ свидѣтельствъ, смѣнилось блестящими виверами Боборыкина изъ дворянъ, купцовъ и разночинцевъ—виверами на иностранный ладъ съ приправою эпикуреизма, натурализма, декадентства и другихъ пряныхъ направленій; но эта характеристика виверства всюду близка къ первоначальному гоголевскому рисунку.

Но особенно подробно анализируется въ пореформенной нашей литературѣ третій видъ интеллигентнаго недомоганія, выраженный Гоголемъ въ характерахъ Манилова и Тентетникова. Уже въ концѣ 60-хъ годовъ эти типы подвергаются дальнѣйшему изслѣдованію и освѣщенію. Въ „Письмахъ изъ провинціи" Салтыкова подъ названіемъ „дворянской хандры" характеризуется, собственно говоря, не что иное, какъ одна изъ разновидностей интеллигентнаго прозябанія въ духѣ Андрея Ивановича Тентетникова на фонѣ но-

выхъ условій послѣреформенной помѣщичьей жизни; интеллигентный дворянинъ - помѣщикъ конца 60-хъ годовъ изнываваетъ, какъ и Тентетниковъ, отъ „неудовлетворенной жажды поступковъ", отъ платоническаго стремленія служить идеямъ гласности и устности и разнымъ другимъ свободамъ, но воспитанный, также какъ и Тентетниковъ, на „традиціяхъ красивыхъ линій" и готовой ѣды, онъ не способенъ ни къ какому реальному дѣлу и къ байбачеству Тентетникова можетъ прибавить развѣ только особую эстетическую манеру хандрить. Немного спустя, именно въ срединѣ 70-хъ годовъ, тотъ же писатель поясняетъ, что дворянская пореформенная хандра по манерѣ Тентетникова акомпанируется „дворянской мелодіей" во вкусѣ Манилова. Эта дворянская мелодія въ очеркѣ того же имени складывается изъ знакомыхъ намъ маниловскихъ аккордовъ—т. е., какъ выражается Салтыковъ изъ „эстетическихъ традицій, обезпеченности и легкомысленнаго срыванія жизненныхъ цвѣтовъ"; подъ эту мелодію изживается жизнь, которая по выраженію Салтыкова есть „осуществленіе не весьма полезнаго, но скромнаго девиза: ни добра, ни зла"; легко видѣть, что это девизъ совершенно во вкусѣ Манилова, который, по выраженію Гоголя, былъ человѣкъ „такъ себѣ, ни то, ни сё, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ". Такъ проявляется маниловщина въ дворянской послѣреформенной жизни.

Но Салтыковъ и тутъ далъ гоголевскому завѣту болѣе широкое приложеніе: онъ усмотрѣлъ безплодную мечтательность Манилова и непроизводительное прозябаніе Тентетникова въ самыхъ важныхъ общественныхъ отношеніяхъ, именно: съ одной стороны въ инертномъ философствованіи карася - идеалиста, который, разсуждая о существѣ добродѣтели, безпрекословно лѣзетъ въ хайло къ щукѣ, съ другой—въ тоскливомъ прозябаніи премудраго пискаря, который, всю жизнь не вылѣзая изъ своей норы, предается въ то же время грандіознымъ мечтаніямъ о томъ, что онъ выигралъ двѣсти тысячъ, выросъ на цѣлыхъ полъ аршина и самъ щукъ глотаетъ

(„Сказки"); и непротивленскій, слащавый карасій идеализмъ и умѣренно-либеральное пискариное самоохраненіе—это есть маниловщина общественности,—направленіе съ общественной точки зрѣнія въ первомъ случаѣ безполезное, во второмъ прямо вредное. Вслѣдъ за Салтыковымъ мѣрка маниловщины приложена была писателями 80-хъ и 90-хъ годовъ къ самымъ разнообразнымъ проявленіямъ и личной и общественной жизни: унылые неудачники Гаршина, опускающіе безсильно руки передъ борьбою со зломъ жизни, разслабленные духовно и физически эстеты Боборыкина, дряблые неврастеники и нудные гамлеты Чехова прекрасно иллюстрируютъ борьбу съ Маниловыми и Тентетниковыми въ новѣйшей нашей литературѣ по завѣту Гоголя. Таковъ первый пунктъ завѣщанія Гоголя въ своихъ отголоскахъ въ пореформенной литературѣ. Живучесть его въ литературномъ и общественномъ сознаніи нашемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Къ первому пункту гоголевскаго завѣщанія тѣсно примыкаетъ второй пунктъ—какъ его необходимое дополненіе. Сущность этого второго пункта—указаніе настоятельныхъ нуждъ деревни и борьба противъ отчужденности интеллигенціи отъ простого народа. По этому пункту - въ силу условій личной своей жизни и условій цензурныхъ и общественныхъ—Гоголь сказалъ сравнительно немного, но это немногое, мѣткое до геніальности, было подхвачено преемниками Гоголя и разрослось въ цѣлую литературу, до нашихъ дней все еще занятую вопросомъ о мужикѣ и баринѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Гоголь прежде всего мимоходомъ бросилъ сильную и яркую мысль объ оскудѣніи дворянскаго помѣщичьяго хозяйства и о крестьянскомъ разореніи. Мы это чувствуемъ, когда у подошвы маниловскаго „храма уединеннаго размышленія" видимъ убогія сѣрыя избы безъ всякаго признака деревьевъ или какой-либо зелени, или когда рядомъ съ безполезно гніющими огромными кладями хлѣба, принадлежащими помѣщику Плюшкину, видимъ полуразвалившіяся крестьянскія избы, у которыхъ отъ крышъ осталось только

подобіе соломеннаго рѣшета или даже одни только коньки и жерди. Грядущее оскудѣніе дворянской усадьбы мы особенно болѣзненно сознаемъ, когда читаемъ заключительныя строки повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики", въ которыхъ содержится, какъ это нерѣдко у Гоголя, картина въ высокой степени реальная, но въ то же время полная грознаго символизма. Мы съ грустью читаемъ здѣсь о томъ, что небольшое хозяйство старосвѣтскихъ помѣщиковъ—хозяйство, правда, близорукое и чуждое всякихъ политико-экономическихъ размаховъ, сводившееся по преимуществу къ цѣлебнымъ настойкамъ, наливкамъ, сушенымъ рыбкамъ и соленымъ грибкамъ, но въ то же время крѣпкое и уютное—это хозяйство сначала опускается подъ напоромъ реформаторской дѣятельности новаго наслѣдника, который для улучшенія дѣла „купилъ шесть англійскихъ серповъ и приколотилъ къ каждой избѣ особенный номеръ", а потомъ окончательно гибнетъ въ рукахъ мудрой опеки, которая въ короткое время переводитъ всѣхъ куръ и всѣ яйца и окончательно разоряетъ и спаиваетъ мужиковъ. Еще болѣе грозно встаетъ передъ нами картина оскудѣнія, когда мы вмѣстѣ съ Чичиковымъ попадаемъ въ имѣніе полковника Кошкарева, гдѣ для заложенныхъ и перезаложенныхъ полунищихъ крестьянъ понастроены пустующія учрежденія вродѣ „главной счетной экспедиціи", „комитета сельскихъ дѣлъ" или „комиссіи наблюденія за комиссіей построенія".

Эта мѣткая и прозорливая мысль Гоголя о грядущемъ помѣщичьемъ оскудѣніи въ пореформенное время была таталантливо развита прежде всего Салтыковымъ (Щедринымъ). Въ „Мелочахъ жизни", произведеніи 80-хъ годовъ, развернута имъ картина оскудѣнія: здѣсь мы видимъ, какъ сначала пропадаютъ одно за другимъ старосвѣтскія мелкопомѣстныя хозяйства, затѣмъ какъ мечтательные помѣщики въ духѣ Манилова или Тентетникова и неутомимые прожектеры типа Ноздрева постепенно проѣдаютъ выкупныя свидѣтельства и, оставляя свои запустѣлыя усадьбы, поступаютъ куда-то въ

чиновники особыхъ порученій или въ члены какой-то ревизіонной комиссіи; но здѣсь же мы видимъ и такихъ помѣщиковъ, которые по примѣру Собакевича и Плюшкина выдумываютъ для своего оскудѣвающаго хозяйства разныя „подспорья" на счетъ тѣхъ же мужиковъ, т. е. прижимаютъ ихъ сначала на уставной грамотѣ, потомъ на разныхъ ссудахъ и одолженіяхъ; при этомъ не брезгаютъ и штрафами за потравы до такой степени, что отправляютъ въ супъ попавшую въ ихъ огородъ и зазѣвавшуюся крестьянскую курицу на томъ основаніи, что за это—по выраженію помѣщика Конона Лукича Лобкова—не только чужой, но и своей курицѣ потачки давать не слѣдуетъ.

Особенно же широко развернута эта картина постепеннаго вымиранія помѣщичьей усадьбы въ извѣстной книгѣ начала 80-хъ годовъ С. Атавы (С. Н. Терпигорева), носящей названіе „Оскудѣніе". Здѣсь цѣлый рядъ портретовъ и снимковъ съ натуры разоренныхъ и разоряющихся помѣщиковъ и ихъ имѣній, но все это только дальнѣйшее развитіе геніальнаго намека, сдѣланнаго Гоголемъ. Просматривая эту картинную галлерею, мы встрѣчаемъ знакомые изъ Гоголя виды и портреты: тутъ мы видимъ, какъ помѣщичьи дѣти воспитываются на подобіе маниловскаго Ѳемистоклюса съ тѣмъ, чтобы они цѣною родовыхъ Осиновокъ и Семеновокъ могли пойти по дипломатической части; видимъ, какъ раціональный хозяинъ, въ духѣ Кошкарева, наводняетъ и свое имѣніе и имѣнія сосѣдей цѣлымъ потокомъ циркуляровъ, извѣщеній и другихъ продуктовъ бумажной дѣятельности или, на подобіе предпріимчиваго наслѣдника старосвѣтскихъ помѣщиковъ, тратитъ свое состояніе на пріобрѣтеніе ненужныхъ машинъ, съ которыми не умѣетъ никто обращаться; здѣсь есть также и хозяинъ во вкусѣ Ноздрева, который размѣниваетъ серьезное и цѣнное дѣло землевладѣнія на разныя мелкія аферы въ родѣ культуры египетской пшеницы и нубійскаго ячменя или даже завода для приготовленія консервовъ изъ зайцевъ; наконецъ, здѣсь есть цѣлая галлерея и такихъ

дутыхъ помѣщиковъ, которые, подобно Чичикову, пробуютъ строить свое благополучіе на разныхъ ссудахъ, концессіяхъ и банковыхъ операціяхъ.

Такъ складывалось постепенно запустѣніе дворянской усадьбы, предсказанное въ 40-хъ годахъ Гоголемъ и черезъ двадцать лѣтъ засвидѣтельствованное Некрасовымъ („Кому на Руси жить хорошо"):

Перевелись помѣщики,
Въ усадьбахъ не живутъ они
И умирать на старости
Уже не ѣдутъ къ намъ.

Картину дворянскаго оскудѣнія изображали и другіе писатели переформеннаго времени на всемъ протяженіи отъ 60-хъ годовъ вплоть до конца вѣка, до чеховскаго „Вишневаго сада", этой символической элегіи оскудѣнія; но всюду въ этой картинѣ чувствуется вѣяніе гоголевскаго завѣта и контуръ его геніально набросаннаго поэтическаго образа; иногда близость къ Гоголю особенно ощутительна: такъ, въ пьесѣ 70-хъ годовъ А. И. Пальма подъ названіемъ „Старый баринъ" отживающее барство характеризуется въ лицѣ Опольева, представляющаго дальнѣйшее развитіе гоголевскаго Хлобуева, а нарождающаяся дѣловитость—въ лицѣ фонъ-Гаммера, который, можно сказать, находится въ прямомъ родствѣ съ гоголевскимъ Костанжогло...

Мимоходомъ брошенная Гоголемъ мысль о крестьянскомъ разореніи нашла, какъ извѣстно, самое широкое развитіе въ народнической литературѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ, въ особенности у Некрасова, Левитова, Глѣба Успенскаго и Златовратскаго. Но Гоголь взглянулъ на крестьянскую нужду еще шире, чѣмъ будущіе народники. Онъ нѣсколькими штрихами художника успѣлъ набросать цѣлый рядъ тяжелыхъ явленій деревенской жизни и сказалъ о нихъ мѣткое слово. Это слово, какъ безконечное эхо, отдалось въ послѣдующихъ десятилѣтіяхъ и размѣнялось на множество посвященныхъ деревнѣ темъ и вопросовъ, которые продолжаютъ

развиваться и въ настоящее время. Гоголевскіе мужики, разсуждающіе у дверей кабака о томъ, доѣдетъ ли колесо брички Чичикова до Казани, или дядя Митяй и дядя Миняй, безсмысленно избивающіе кнутомъ господскихъ лошадей вмѣсто того, чтобы спокойно взять ихъ подъ уздцы, эти безсмертные эскизы—какъ выраженіе вѣковѣчной скуки и безтолковщины деревенскихъ будней, не освѣщенныхъ свѣтомъ грамотности и интересами культурнаго труда,—воспроизведены были на протяженіи отъ 60-хъ годовъ до конца вѣка въ самыхъ разнообразныхъ снимкахъ—и Гл. Успенскимъ (напр. „Новыя времена, новыя заботы", „Изъ деревенскаго дневника"), и Горбуновымъ (напр. въ сценахъ, подобныхъ извѣстному разговору „У пушки"), и Чеховымъ (напр. въ разсказѣ о „скорой помощи" „утоплому человѣку" и др.).

Гоголю достаточно было двухъ страницъ (въ VII-й главѣ „Мертвыхъ душъ"), чтобы набросать основныя черты неупорядоченнаго крестьянскаго быта и передать ихъ для дальнѣйшей художественной разработки литературнымъ преемникамъ. И этотъ завѣтъ Гоголя былъ горячо воспринятъ въ литературѣ 70-90-хъ годовъ. Всѣмъ памятенъ напр. гоголевскій Пробка Степанъ, „плотникъ, трезвости примѣрной", этотъ богатырь, который „всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ, съѣдая на грошъ хлѣба, да на два сушеной рыбы", и который въ деревнѣ продовольствовалъ своимъ оброкомъ барина, а въ городѣ взбирался куда-нибудь подъ церковный куполъ, чтобы выработать и оброкъ и нѣсколько лишнихъ цѣлковиковъ въ свою пользу; развѣ этотъ Степанъ Пробка не прототипъ того мужика въ сказкѣ Салтыкова, который на необитаемомъ островѣ кормитъ двухъ генераловъ, а въ столицѣ качается въ ящикѣ на веревкѣ и мажетъ краской стѣну или ходитъ по крышѣ словно муха? Развѣ это не одинъ изъ тѣхъ—скажемъ словами Некрасова—,

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ

Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ?

Или вотъ гоголевскій Максимъ Телятниковъ, сапожникъ, котораго училъ хозяинъ-нѣмецъ ремнемъ по спинѣ и который послѣ этой крѣпкой выучки спился при первой неудачѣ,— сколько такихъ сапожниковъ и портныхъ разсѣяно на пространствѣ литературы 70-80-хъ годовъ, начиная отъ извѣстныхъ очерковъ Г. Успенскаго „Нравы Растеряевой улицы" и кончая чеховскимъ сапожникомъ Ѳедоромъ Ниловымъ (въ разсказѣ „Сапожникъ и нечистая сила"). Точно также въ гоголевскомъ дворовомъ человѣкѣ Поповѣ, который въ качествѣ безпаспортнаго скитается по разнымъ пересыльнымъ тюрьмамъ, чувствуется первоначальный портретъ невольнаго бродяги, не разъ художественно нарисованнаго въ пореформенной литературѣ въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ— и въ видѣ разгульнаго разбойника изъ бѣглыхъ помѣщика Семерикова у Салтыкова („Невинные разсказы": „Развеселое житье"), и въ видѣ „вольнаго человѣка" дѣда Ѳаддея Ильича, старика душевнаго и по-дѣтски незлобиваго и радостнаго, у Златовратскаго („Шапка", „разсказъ заводскаго хлопца"), и въ видѣ непомнящаго родства чеховскаго мечтателя (разск. „Мечты"), который „живетъ по писанію", „книжечку читаетъ" и который „по званію мужикъ, а въ естествѣ благородный господинъ"....

Въ такомъ драгоцѣнномъ документѣ, какъ гоголевское завѣщаніе русской литературѣ и общественности, часто даже одна - двѣ строки опредѣляютъ развитіе и направленіе будущей литературно-общественной темы. Вотъ почему когда мы читаемъ у Гоголя, что „дядя лысый Пименъ держалъ въ концѣ деревни знаменитый кабакъ, которому имя было „Акулька", и что это учрежденіе дяди Пимена было центромъ деревенской жизни и ея живыхъ интересовъ, мы уже заранѣе какъ бы видимъ въ русской литературѣ 70-90-хъ годовъ скорбную картину процвѣтанія кабака и размноженія семьи міроѣдовъ, въ родѣ Петра Матвѣича у Салтыкова

(„Мелочи жизни": „Міроѣды"), или Прохора Порфирыча у Гл. Успенскаго („Нравы Растеряевой улицы"), или епифановскаго мѣщанина Григорія Петрова Цыбукина, типичной фигуры, выведенной въ разсказѣ Чехова „Въ Оврагѣ",— однимъ словомъ, всего этого разнообразнаго класса паразитовъ народнаго труда, про которыхъ поэтъ Некрасовъ сказалъ, характеризуя переформенное время:

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.

Еще одна мысль изъ области деревенскихъ вопросовъ была какъ бы мимоходомъ обронена Гоголемъ и подобрана его преемниками; но эта находка оказалась такъ цѣнна, что ее бросились подымать наперерывъ. Эта мысль объ отчужденности интеллигенціи отъ деревни и ея насущныхъ нуждъ. Мы болѣзненно сознаемъ эту отчужденность, когда дряблая старушонка рвется съ своимъ безхитростнымъ ласковымъ словомъ къ пріѣзжему молодому своему барину Андрею Ивановичу Тентетникову и когда ее рѣзко останавливаютъ другіе, которые яснѣе видятъ непроходимую пропасть между этой корявой крѣпостной бабой и интеллигентнымъ повелителемъ крѣпостныхъ душъ, и она оказывается въ такомъ же положеніи, какъ и тотъ дерзновенный мужикъ Гл. Успенскаго (очерки „Разоренье": „Наблюденія Михаила Ивановича"), который рѣшился на желѣзнодорожной станціи въ господскомъ буфетѣ спросить себѣ наравнѣ съ господами „бутенброду" и застылъ въ нѣмомъ удивленіи передъ своей собственной смѣлостью. Еще больше мы видимъ эту отчужденность барина отъ простого народа, когда оказывается, что Андрей Ивановичъ Тентетниковъ, при всѣхъ своихъ добрыхъ начинаніяхъ отъ уменьшенія барщины и до школы включительно, совсѣмъ не въ силахъ понять мужика, а мужикъ не можетъ понять „востроногаго" барина и въ его заботахъ по привычкѣ видитъ только кулачество и хитрость; нечего и говорить о томъ, что этотъ первый набросокъ драматизма въ отношеніяхъ мужика къ барину сдѣлался любимой темой какъ

для великихъ художниковъ слова — Тургенева („Отцы и дѣти"—отношеніе къ мужику Базарова) и гр. Л. Толстого (напр. „Утро помѣщика"—Неклюдовъ и „Казаки"—Оленинъ и ихъ отношеніе къ деревнѣ и крестьянамъ), такъ и для ихъ послѣдователей вплоть до Чехова (ср. напр. разсказъ „Новая дача").

Завѣщавши русской художественной литературѣ изученіе двухъ крайнихъ стихій русской общественной жизни—съ одной стороны дворянско-помѣщичьей среды съ ея непониманіемъ задачъ и средствъ производительной культурной работы и съ ея грознымъ призракомъ оскудѣнія, а съ другой—крестьянской массы съ ея сплошнымъ, безпросвѣтнымъ убожествомъ, въ которомъ гибнутъ безплодно ея физическая и духовная мощь,—Гоголь не могъ обойти молчаніемъ того средняго общественнаго слоя, той трудовой интеллигенціи и полуинтеллигенціи, которая робко, но въ то же время самоотверженно, выступала на поприще общественной жизни съ предложеніемъ упорнаго и осмысленнаго труда, для другихъ общественныхъ группъ или непривычнаго въ силу ихъ неподготовленности или недоступнаго въ силу малокультурности. Въ этомъ среднемъ слоѣ, у этого средняго человѣка, росло самосознаніе, крѣпла критика жизни, начиналось исканіе правды, и здѣсь же чувствовался особенно сильно гнетъ лжи, насилія, бѣдности, физическаго и духовнаго рабства. Положеніе этой средней интеллигенціи, которую называли и называютъ или интеллигентнымъ пролетаріатомъ, или разночинцами, или даже „плебейцами", какъ выражались въ 30-хъ годахъ примѣнительно къ интеллигентному работнику типа Полевого, Надеждина и Бѣлинскаго,—положеніе этого средняго человѣка составляетъ третій важный пунктъ гоголевскаго завѣщанія.

Средній человѣкъ—будетъ ли то мелкій чиновникъ въ родѣ Акакія Акакіевича, или молодой начинающій художникъ типа Пискарева („Невскій проспектъ") и живописца-подвижника („Портретъ"), или рыцарь воинскаго долга и „пролетная голова" во вкусѣ капитана Копѣйкина—у Гоголя непре-

мѣнно съ одной стороны заявляетъ свои права на извѣстный quantum счастья и на вниманіе къ его человѣческой личности, съ другой — самоотверженно предлагаетъ свой трудъ и свои силы на созиданіе и охраненіе счастья общественнаго. Эта гоголевская тема была такъ своевременна и такъ насущна, что мимо ея не могъ пройти равнодушно ни одинъ нашъ писатель на всемъ протяженіи XIX столѣтія. Забитый Акакій Акакіевичъ съ его платоническимъ желаніемъ что-нибудь переписать и съ его знаменитой фразой „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" уже въ томъ же десятилѣтіи былъ воспроизведенъ Достоевскимъ въ дальнѣйшей варіаціи въ лицѣ не менѣе забитаго Макара Алексѣевича („Бѣдные люди"), который однако, „самъ до глубины души сочувствуя своимъ мыслямъ", приходитъ къ важному для себя выводу, что „сердцемъ и мыслями онъ человѣкъ", и даже дерзновенно въ мечтахъ представляется самъ себѣ какъ „сочинитель литературы и піита Дѣвушкинъ"; вслѣдъ за тѣмъ создается Достоевскимъ по завѣту Гоголя цѣлая галлерея портретовъ подъ скорбнымъ девизомъ „униженія и оскорбленія", которая пополняется всѣми вообще художниками слова 70-90-хъ годовъ, въ особенности же такими спеціальными бытописателями интеллигентной и полуинтеллигентной бѣдноты, какъ напр. Альбовъ и Баранцевичъ. Точно также гоголевскій Аксентій Ивановичъ Поприщинъ съ его мучительной думой о томъ, почему одинъ долженъ быть генераломъ, а другой оставаться вѣчнымъ титулярнымъ совѣтникомъ и чинить генералу перья, и почему „все, что есть лучшаго на свѣтѣ, все достается или камеръ-юнкерамъ или генераламъ" — порождаетъ въ пореформенной литературѣ цѣлый рядъ такихъ же среднихъ интеллигентовъ, болѣзненно, вплоть до душевнаго разстройства, рѣшающихъ проблему общественной неурядицы и людского горя, а въ 80 хъ годахъ подъ перомъ Гаршина воспроизводится какъ болѣе рѣзко выраженный варіантъ того же типа - въ лицѣ того своеобразнаго паціента дома умалишенныхъ, который (въ разсказѣ „Красный цвѣ-

токъ") цѣною жизни уничтожаетъ символическій для него цвѣтокъ краснаго мака, вмѣстившій въ себѣ, по его убѣжденію, все зло міра, все человѣческое страданіе. Нечего и говорить о томъ, что гоголевскіе художники, между которыми есть и полный цинизма практикъ и высокій идеалистъ, нашли не разъ свое воспроизведеніе, напр. у того же Гаршина въ лицѣ художниковъ Дѣдова и Рябинина (разсказъ „Художники"), а гоголевскіе поручикъ Пироговъ и капитанъ Копѣйкинъ отдѣльными штрихами вошли въ позднѣйшую характеристику обыденной жизни средняго военнаго человѣка внѣ служебной его обстановки. Таковы три группы литературныхъ мотивовъ и типовъ, сложившихся на почвѣ гоголевскихъ завѣтовъ.

Эти три пункта не исчерпываютъ однако всего содержанія завѣщанія Гоголя: они составляютъ только преддверіе къ тому „святая святыхъ", которое виднѣлось вдали духовному взору писателя и въ которое онъ готовился ввести Россію. Самое завѣтное въ его завѣщаніи это то, что имъ не было договорено, что вылилось только въ чувствѣ и не развилось дальше нѣсколькихъ лирическихъ строкъ, разсѣянныхъ по отдѣльнымъ страницамъ его художественныхъ твореній. Но эта восторженная лирика поэта, которая съ дѣтства, съ школьной скамьи, звучитъ уму и сердцу русскаго читателя какъ молитвенный гимнъ грядущему счастью его родины,— эта лирика заняла въ его завѣщаніи еще болѣе важное мѣсто, чѣмъ его полный скорбнаго юмора сатирическій эпосъ. Гоголь сказалъ пророчески: „Долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями". И мы видѣли, дѣйствительно, что его странные герои въ различныхъ оттѣнкахъ и варіаціяхъ живутъ и послѣ эпохи великихъ реформъ на всемъ протяженіи отъ 60-хъ годовъ до конца вѣка, и самъ Гоголь невидимо живетъ съ ними своимъ мѣткимъ обличительнымъ словомъ. Но Гоголь пророчески написалъ еще и такія лирическія строки: „Можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ не-

бранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что̀ скользнуло только по природѣ другихъ народовъ..." Это пророчество было понято какъ самый драгоцѣнный наказъ завѣщателя, какъ его предсмертная воля.

И вотъ случилось нѣчто безпримѣрное въ исторіи литературной и общественной жизни: лирическіе порывы великаго писателя стали претворяться въ живые конкретные образы въ поэтической дѣятельности его преемниковъ. Исканіе богатства русскаго духа и его реальныхъ носителей охватило русскую художественную литературу послѣ Гоголя, особенно въ пореформенный періодъ ея развитія; при этомъ границы идеальнаго народнаго типа раздвинулись, какъ того хотѣлъ Гоголь, до размѣровъ границъ идеала всеславянскаго и даже общечеловѣческаго. Явились эти удивительные герои сказокъ Салтыкова, которые томятся желаніемъ „жить по правдѣ" („Рождественская сказка") или отказываются жить по заказу, потому что, по выраженію писателя, ихъ духовному организму не свойственны „подлыя мысли" („Дуракъ"); явились эти безкорыстные ходатаи за права простого народа въ родѣ бывшаго двороваго Михаила Ивановича у Гл. Успенскаго („Разоренье"), явились жрецы культа „опрощенія" типа Пьера Безухаго у гр. Л. Толстого; одинъ за другимъ воплотились въ художественные образы эти настойчивые искатели смысла жизни всѣхъ оттѣнковъ— отъ мистическаго „человѣколюбца" Алеши Карамазова и до практическаго дѣльца съ направленіемъ Василія Тёркина (въ романѣ Боборыкина того же названія); наконецъ въ 80-хъ годахъ передъ нашимъ общественнымъ сознаніемъ прошли

подъ девизомъ высокаго альтруизма беззавѣтные идеалисты Гаршина, которые съ отвагой гордой и свободолюбивой attalea princeps (въ разсказѣ того же имени) разбиваютъ хрупкую раму своей тѣсной теплицы, чтобы ближе видѣть хотя бы хмурое, хотя бы осеннее небо своего десятилѣтія, а въ 90-хъ годахъ подросла бодрая молодежь послѣднихъ чеховскихъ твореній („Чайка", „Дядя Ваня", „Три сестры", „Вишневый садъ", „Невѣста"), которая почувствовала на себѣ лучи обильнаго и яркаго свѣта и смѣло рѣшилась итти къ новой жизни.... И вотъ они идутъ къ этой жизни разными путями—то какъ „дѣти солнца", то какъ „слѣпые кроты", но передъ ними одна великая цѣль, одинъ планъ—картограмма грядущаго прогресса, не та грустная картограмма провинціальнаго запустѣнія, которую нарисовалъ докторъ Астровъ („Дядя Ваня"), а другая, перечерченная наново, картограмма человѣческаго счастья, на которой Россія цвѣтетъ какъ „вишневый садъ"...

Всѣ эти живые, облекшіеся въ плоть, образы безплотнаго идеализма, эти—какъ пророчески сказалъ Гоголь—„иныя, еще доселѣ небранныя струны", имѣютъ и еще одно общее свойство: они родились изъ того „несмѣтнаго богатства русскаго духа", изъ тѣхъ „русскихъ движеній", о которыхъ говоритъ Гоголь въ своихъ лирическихъ порываніяхъ къ будущему благоденствію своей родины, и потому они также крѣпко связаны съ завѣтами Гоголя, какъ и тѣ „странные герои", съ которыми писатель до сихъ поръ невидимо идетъ рука объ руку.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ знаменательному выводу, который вполнѣ соотвѣтствуетъ величію этого юбилейнаго дня: завѣщаніе Гоголя остается и теперь, въ день его 100-лѣтняго юбилея, въ нашемъ общественномъ сознаніи живымъ и плодотворнымъ какъ со стороны своихъ обличительныхъ тенденцій, такъ и со стороны своихъ порывовъ въ сторону общественнаго идеала. Передъ нами величественное событіе: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ порвалась смерт-

ная жизнь великаго человѣка, чтобы перейти въ такъ называемое безсмертіе генія; прошло еще пятьдесятъ лѣтъ, и эта символическая идея литературнаго безсмертія стала въ нашихъ глазахъ непреложнымъ реальнымъ фактомъ. Гоголь снова передъ нами какъ живой: глубже изученный, всѣмъ доступный, онъ еще понятнѣе и дороже намъ теперь, чѣмъ былъ при жизни, когда былъ доступенъ пониманію, и притомъ неполному, небольшой сравнительно группы лицъ. Мало того: его завѣты не только не теряютъ своей силы, но все еще продолжаютъ служить источникомъ и импульсомъ нашего движенія къ народному и общечеловѣческому благу.

Въ этомъ отношеніи связь наша съ Гоголемъ крѣпка до реальной осязаемости: наша общественная и литературная жизнь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей какъ эхо отзывается на самые задушевные вопросы Гоголя и, чувствуя за собой его руководящій голосъ, движется неудержимо впередъ. Гоголь предугадывалъ это неудержимое движеніе, когда задавалъ свой, полный восторженнаго недоумѣнія, извѣстный лирическій вопросъ въ послѣднихъ строкахъ перваго тома „Мертвыхъ душъ"; но онъ, можетъ быть, не думалъ, что этотъ вопросъ недоумѣнія не долго останется безъ отвѣта.—„Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе?.... Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ!" спрашиваетъ Гоголь въ началѣ 40-хъ годовъ. И ему въ наши дни звучатъ въ отвѣтъ восторженныя рѣчи молодыхъ энтузіастовъ изъ послѣднихъ произведеній Чехова· „Впередъ! Мы идемъ неудержимо къ яркой звѣздѣ, которая горитъ тамъ вдали"— говоритъ студентъ Петръ Трофимовъ въ пьесѣ „Вишневый садъ", какъ бы осуществляя въ себѣ нарождающійся идеалъ гоголевскаго доблестнаго мужа. „Впередъ!... Человѣчество идетъ къ высшей правдѣ, къ высшему счастью, какое только возможно на землѣ, и я въ первыхъ рядахъ"....—„Русь, чего же ты хочешь отъ меня?" спрашиваетъ насъ и теперь Гоголь изъ своего прекраснаго далека, какъ спрашивалъ еще и при жизни.... „Какая непостижимая связь таится между

нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?"... „Чего ты хочешь отъ меня?"... И опять отвѣтъ молодого энтузіазма въ лицѣ дѣвушки, полной порывовъ къ дѣятельному идеализму жизни, осуществляющей въ себѣ гоголевскій идеалъ „дивной красоты женской души". Чего же она хочетъ, эта представительница молодой Руси? — „О, если бы поскорѣе наступила эта новая, ясная жизнь", говоритъ въ отвѣтъ Гоголю героиня одного изъ послѣднихъ разсказовъ Чехова („Невѣста"), - „эта жизнь, когда можно будетъ прямо и смѣло смотрѣть въ глаза своей судьбѣ, сознавать себя правымъ, быть веселымъ, свободнымъ! А такая жизнь рано или поздно настанетъ!"... Да, пусть скорѣе настанетъ эта жизнь, которую завѣщалъ Гоголь и въ которую по его завѣтамъ повѣрили въ наши дни молодые энтузіасты народнаго и общечеловѣческаго блага. Пусть она придетъ... Пусть по слову Гоголя „предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа", „подымутся русскія движенія" и пусть затѣмъ всюду, и въ „славянской природѣ" и въ „природѣ другихъ народовъ", зазвучатъ „иныя, еще доселѣ небранныя струны"....

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3335
.Z8
Z36
1909

Цѣна 20 коп.